

A dramatic painting depicting a warrior from behind, standing on a rocky, grassy shore. The warrior is wearing a brown tunic, a red hood, and a large, detailed backpack. He is looking out at a massive, towering wave of dark green and white water that is curling over itself, creating a giant's head shape. The sky is filled with dark, swirling clouds and several birds are flying. The overall mood is epic and adventurous.

Аляно Румынов

Хаудэген

Аляно Румынов Хаудэген

<https://litres.ru/74391624>

SelfPub; 2026

Аннотация

История о водовороте событий, в который попадает семнадцатилетний юноша с непростой судьбой. Положение семьи ухудшается, старший брат пропадает на войне, а на горизонте маячит невиданная доселе угроза - Кристофер Варго.

Аляно Румынов

Хаудэген

Глава 1

ХАУДЭГЕН

Пролог

Обличие неверного

По дороге, проезжая леса и степи, не спеша двигалась карета, груженная, как казалось, немалым количеством сумок и разного рода вещей. Резной дормез, по виду напоминавший Стиксову колесницу Аида, блестел солнечными бликами и поскрипывал на сложных участках дороги. Саквояжи и чемоданы были закреплены небрежно, то и дело подпрыгивая, всякий раз, когда экипаж наезжал на каждый новый ухаб. Управлял ей кучер, своим видом напоминавший обыкновенного мещанина из рабочей семьи; тянули же карету две пары лошадей необычайно красивого окраса. Ближайшая с правой стороны к кучеру лошадь имела расцветку из смеси буро-рыжих оттенков, ввиду чего она на палящем солнце казалась огненным сгустком пыхтящей энергии. Подругой по неволе ей была лошадь белоснежного цвета, окрас которой из-за грязи становился темнее ближе к брюшине. Грива же этой лошади имела необычайно шелковистую тек-

стуру, напоминающую терно, усыпанное драгоценностями и серебряными вставками. Авангардный ряд лошадей вели одинакового вороного цвета жеребцы, дававшие темп всем остальным. Их мощные спины покрывались испариной, ввиду чего они выглядели так, будто только что были вымыты с мылом.

- Добра дорога, да, зверье мое? – чуть ли не пропел кучер, поправляя в руках возжэси.

Ответом служило характерное ржание лошадей. Необъятные поля видел перед собой кучер. Вспоминались извозчику его семья и маленький огородик, небрежно сооруженный из гравия и коры деревьев. Женушка, пришибленная домашним укладом и заботами о трех детишках.

- Эхма, а нравится мне моя работенка, всю жизнь в пути, это ли не счастье, не так ли, мой господин? – выкрикнул извозчик, чуть поворачивая голову.

Находящийся внутри экипажа, введенный в состояние транса человек, выглядевший как состоятельный капиталист во фраке и цилиндре, явно имевший ожирение и появившиеся от недосыпа синяки под глазами, не был в состоянии отреагировать на бормотания кучера; его левая рука находилась в нагрудном кармане, а правая удерживала на коленях трость. Находясь во владениях таинственной силы, мужчина мог воплощать свои планы в жизнь. Толстяк сильно надул щеки и сжал глаза, от чего его человеческая оболочка как бы отслоилась от чего-то темного и эфемер-

ного. Воспарив над неизвестным королевством и приняв облик мелкого чернокрылого ястреба, он наблюдал за размеренной жизнью поселения. Тут женщины полоскали свои вещицы руками в тазиках с мыльной водой, а вот здесь, под гнувшимся от возраста деревом, двое мужчин несли кусок бруса видимо в направлении строящегося дома. Городишко озарялось солнцем, то скрывающимся за близлежащими горами, то попеременно появляющимся из-за волнистых облаков. В томленьях казался только дворец здешнего короля: пики его башен уходили далеко в высь, исчезая ближе к облакам. Пролетая над базаром, толстяк заметил в руках кудрявого парнишки занимательные карманные часы. Присев на угол таверны, он начал всматриваться:

- Ну же, покажи мне их... - пробормотал ястреб.

-...а я ему и говорю... - доносились отрывки чей-то речи.

- ...Просто продай его и ВСЕ ПРО... - не унимался голос. Толстяк вернулся в свое обличье и понял, что эти звуки доносятся от его ямщика. Скрючив свое рыхлое лицо, он вытащил руку из кармана и щелкнул пальцами... Тишина.

Вернувшись в обличье птицы, толстяк понял, что он потерял из поля зрения мальчонку. – Черт, - вырвалось из клюва, - удрал.

Вспорхнув над базаром, ястреб полетел дальше.

Заходя на вираж над домами, он улавливал множество ноток запахов: от духов с фрагментами лаванды и кардамона, до терпкого сигаретного дыма, дурманящего разум

людей. Фабрики, производящие эти курева, убивали не только нынешнее поколение людей, но и травмировали следующие, увеличивая обороты продаж, что, в свою очередь, ведет к еще большему обороту продаж, ну и, естественно, к грандиозно-негативным последствиям и проблемам. Все это толстяк знал и когда-то даже презирал, но прошли года, и мир изменился или изменился он сам? Ответ, увы, он знал и даже знал, что предпринять, но личные амбиции и жалкая натура сделали свое дело.

Вдруг, откуда ни возьмись, в пернатого полетели предметы. То было здешнее хулиганье – дети провинциальные, неприхотливые в забавах, вернее, не знавшие ничего другого, кроме как воровства или живодерства. Толстяку хотелось ужже бы их проучить, но видя их улыбки на грязных физиономиях, лишь сделал еще один пролет над ними. Увернувшись от брошенного в него камня, толстяк приземлился на крышу, стоявшего рядом к величественному собору дома. Святителище представляло собой основание с тремя заостренными башнями, пестро усыпанными орнаментами и символами; центральный вход которого был украшен треугольной аркой с горгульей на пике; чуть ниже находилась шестиугольная звезда с темными отверстиями на каждом накопечнике; четыре огромных витражных окна были обрамлены каменной выкладкой в виде капли. Птица, вспорхнув крыльями, перелетела на центральную башню собора, попутно взяв с собой камень.

- *Sotra...* - прошипел толстяк, жестикулируя. В это мгновение птица обернулась паукообразным с рыжими вкраплениями на каждой из восьми лапок. Вообще, толстяк обожал паукообразных. Его пленило осознание страха людей перед этими, как ему казалось, миленькими существами, проскользнув в выбитое им отверстие, толстяк пополз вниз по стенам, продолжая спускаться по внутренней стороне витражного окна и рассматривая внутреннее убранство святыни...

В это время в соборе начиналось воскресное покаяние, столпотворения посетителей присаживались на свои места, создавая собой рифы из человеческих голов, одетых в шляпки и платки; где-то в толпе начинал свои завывания ребенок, несколько прихожанок раздраженно встали и начали искать виновных. Внутреннее убранство святыни не было из числа сногшибательных, видны были отколупанные фрагменты фресок и картин, потрескавшаяся плитка и растянутые нити на гобеленах; на люстре, повисшей прямо над сидящими, загорелись свечи, и она медленно, со скрежетом стала подниматься, перенимая внимание все большего и большего количества прихожан.

На сцене, готовясь к таинству, стоял исполинского роста священник, одетый в длинную робу с рукавами, обрамленными золотистой тесьмой. Он, закрыв глаза и сложив ладони, стал читать молитву про себя:

- Прости наши грехи, о всемогущий... Все эти люди при-

или открыться Тебе, рассказать о своих нечистых поступках, заметить попытку притронуться к Тебе, – священник стиснул ладони сильнее. – Дай надежду им на то, что они любимы, что они дети Твои... - Открыв глаза, его преподобие подошло к аналою и открыло священное писание.

Тем временем толстяк в обличии арахнида успел, зацепившись за тябло, перебраться на противоположную сторону зала. Наметив дорогу до входа в следующий придел храма, толстяк пополз туда, попутно перепрыгивая с одного пилона на другой.

Начинал свое песнопение клирос, заходящий с еле слышимых духовых инструментов, попеременно нараставший различного рода звуками: от высоких голосов девишек и детей, до басистых тембров мужчин и юношей; по обеим сторонам солей вышли одинакового вида служащие епархии в одеянии в виде красной накидки с желтыми жилетами и ремнями, на которых были выгравированы символы в виде розы, и, вознося руки, стали руководить хором. В момент максимального накала ритуального богослужения все внимание на себя перевели кулисы, открывшиеся на лицезрение прихожанам. Священник, раскинув руки в стороны, стал вычерчивать глазами извилистые символы, символизируя тем самым начало процессии. Закрыв глаза, он начал моление:

- И стар, и млад возлюби ты ближнего своего, да не забудь ты всего того, что сделано было для тебя. Успокой ты рвение свое по земле обетованной, да прости то, что свело

тебя с пути неисповедимого, - священник положил свои ладони на манускрипт - Да услышит каждый изречения тех, кто был возлюбим Им. — служащий продолжил свое выступление.

Добравшись до входа, толстяк заполз в следующий придел собора. То была среднего размера комнатуха, с размещенными там алтарем, жертвенником с принадлежностями и рядами сидений для прихожан. Забравшись на рядом стоящую лавочку, толстяк начал свой ритуал; педипальны его куклы заходили ходуном:

- *Lerge cursus*. - начали подниматься каменные плиты, расталкивая лавки и вещи священников. - *Lerge ibn serses*. — Из-под земли стало вырываться захоронение. — *Vispario*. — открылась крышка гроба и оттуда поднялись мощи мученика. Поднеся их к себе, толстяк стал впитывать священную эссенцию усопшего, усиливая свои магические силы. Вернув все на свои места, гробокопатель обернулся в свое обличие - толстяка с тростью. Вернувшись темной материей, сила пошатнула резной дормез, и лошади издали характерное ржание.

Сняв с левой руки белоснежную перчатку, толстотел начал рассматривать перстень на указательном пальце. Сиявший бронзовым оттенком артефакт имел основание из смеси серебра и золота, в котором сердцевиной являлся необычайно алого цвета рубин; аксессуар сводил с ума мужчину, заставляя его все рассматривать и рассматривать

себя. Переборов свое наваждение и поправив цилиндр на голове, толстяк оттянул тростью штору и увидел, как их карета подъезжала ко входу в королевство, проезжая каменный мост, спущенный стражей.